

Содержание

Инопланетяне среди нас: об искусстве преодоления нравственного и познавательного и эгоцентризма	13
--	----

Введение

Способы быть человеком	19
Культурно-историческая теория развития психики	23
Человек в культуре: от приспособления к преобразованию	24

ЧАСТЬ I

Кризис методологии: от эволюционизма к антропоцентризму

Глава 1

Основные вехи становления культурно-исторической психологии	31
Предыстория становления научного знания	31
От «психологии народа» — к культурно-исторической психологии народов	37
Проблема психологии народа в XX веке, подходы и направления	46
Кросс-культурные исследования и создание этнографических баз данных	51
Кросс-культурные исследования в психологии	54
Исследования Риверса в свете культурно-исторической психологии	59
Психоаналитические исследования истории и культуры ...	64
История ментальности	68

Глава 2

Развенчание эволюционизма

и появление школы «Культура и личность».....73

Критика эволюционизма и поиск альтернативы. 76

Новые подходы, начало XX в. 82

Школа «Культура и личность» 84

Закат школы «Культура и личность»..... 97

ЧАСТЬ II

Человек в лабиринтах культуры: подходы и исследования

Глава 3

В поисках национального характера.....105

Проблема национального характера. 105

От базовой личности к модальной. 107

«Хризантема и меч»..... 111

Традиционные модели поведения в эпоху высоких технологий. 116

О русском национальном характере. 118

Структурированные описания 125

Базовая культурная ценность 128

Психологические параметры культуры.

Исследования Герта Хофстеде. 134

Исследования Гарри Триандиса 138

От национального характера к культурным синдромам. . . 150

Глава 4

«Социальное в нас»:

Я, Self и границы моего эго153

От универсальных теорий личности —

к индигенной психологии 153

Выделение ключевых концептов культуры. 159

Проблема «я» и Self в этнокультурной перспективе.	165
Вопрос о границах эго или Self	171

ЧАСТЬ III

«Привычка свыше нам дана...»

Глава 5

Мышление в разных культурах	179
«Ум первобытного человека» Ф. Боаса	182
Первобытное мышление по Л. Леви-Брюлю	183
Мышление как классификация	191
Леви-Строс о природе мифологического мышления.	197
Бриколаж	201
Экспериментальные исследования мышления в разных культурах	203

Глава 6

Культура и коммуникация	212
Уровни регулирования коммуникативных процессов	212
Типы коммуникации	218
Невербальная коммуникация	227
Сакральная составляющая этно-этикетных сценариев	244
Этикет и ритуал	246
Коммуникация и социально-политические процессы	248
Коммуникация как социальный код «свой — чужой»	252

Глава 7

Социотипическое поведение в зеркале многообразия культур	257
Социотипическое поведение как «роль для всех».	260
Социотипические программы поведения и их побудительная сила	265
Потребность в единении с другими людьми	270

ЧАСТЬ IV

«Правила беспорядка» и инновационный потенциал личности

Глава 8

Индивидуальность в плену типичного?	281
«Гениальность и помешательство» Ч. Ломборзо	283
Э. Дюркгейм о норме, патологии и проявлениях индивидуальности	287
Когда в истории культуры появляется личность?	289
Индивидуальность в историко-эволюционном процессе ..	296
В плену стереотипов	300
Ю. М. Лотман о путях развития культуры	307
Неопределенность в истории	310
Внутренняя вариативность социальной системы.	311

Глава 9

Феноменология девиантности и ниши антиповедения	318
Те, кому «закон не писан»: безумцы и трикстеры.	322
Право на душевную смуту	332
Антиповедение в ореоле святости.	339
Антиповедение и язык протеста	353
«Казнить нельзя помиловать»: культурно-историческая диагностика девиантного поведения	357

ЧАСТЬ V

Внутренний мир как открытая система

Глава 10

Культурно-историческая теория развития психики ..	365
«Этюды по истории поведения» Л. С. Выготского и А. Р. Лурии	366

Узелки на память	372
Высшие психические функции	376
От внешних средств к внутренним структурам психической деятельности	378
«Психологические орудия»: от «языка зарубок» к письменности	382
Социальная природа высших психических функций	383
Глава 11	
Человек в мире знаков. Знаки в мире человека	388
Сигналы у животных	390
Знаки, которыми пользуются люди	393
Двойственная природа знаков	395
Сотворение знаков	398
Культура как семиосфера	400
Негенетическая память социума	404
Символ в культуре	408
Заключение	415
Послесловие ко второму изданию	423
Литература	429
Источники фотографических материалов	445

*Памяти Жени Аксенова,
без которого эта книга,
да и вся моя жизнь,
были бы совсем другими,
а книги, скорее всего,
и вовсе бы не было...*

Эта книга создавалась в течение многих лет, и вклад в нее внесли очень многие люди, даже те, кто совершенно не соби-
рался этого делать. Спасибо замечательным творческим собе-
седникам и всем тем, кто оппонировал в нескончаемых науч-
ных дискуссиях, которые составляют суть атмосферы, царя-
щей в Центре азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА
РАН и в Центре социальной антропологии РГГУ. Спасибо всем
поколениям равнодушных студентов Центра социальной
антропологии, чьи вопросы и критические атаки на лекциях
и семинарах со всем запалом юношеского максимализма были
источником вдохновения и постоянным подспудным двигате-
лем работы над этой книгой.

Особая бесконечная благодарность А. Г. Асмолову, чья
помощь выходит далеко за пределы этой книжки и разра-
стается до судьбоносных масштабов; поклон и благодарность
Н. Л. Жуковской и С. А. Арутюнову, О. Ю. Артемовой, годы
работы и общения с которыми несомненно внесли огромный
вклад в мой образ мысли и, в конечном счете, в эту моногра-
фию; спасибо за доброе участие В. А. Тишкову, а также спа-
сибо дорогим коллегам Е. А. Зверковой и Н. М. Хвастуновой.

Инопланетяне среди нас: об искусстве преодоления нравственного и познавательного и эгоцентризма

*Человечеству во много раз легче расщепить атом,
чем преодолеть собственные предрассудки.*

Гордон Олпорт

Можно ли создать особый путеводитель — путеводитель в иные цивилизации? Мудрая формула Фридриха Ницше: «Тот, кто знает “зачем”, преодолет почти любое “как”» — полностью приложима к своеобразному путеводителю в иные миры разума, который и являет собой монография Марии Тендряковой «Многообразие типичного: Очерки по культурно-исторической психологии народов».

Рискну сказать, что перед нами вырисовывается новый облик антропологии — антропологии как ключа к разгадке образа мира человека в зеркале иных культур. Читая эту книгу, я еще раз убеждаюсь, что сегодня именно антропология может стать царицей наук о человеке, позволяющей нам обрести зоркость к пониманию своего Я через погружение в разнообразие иных культур.

Немало столетий и даже тысячелетий человечество неустанно ищет встреч с носителями иного разума, иной культуры и одновременно страшится этих встреч, не решаясь предсказать их последствия для своей собственной судьбы.

Мифы, сказки, утопии, фантастические романы, рисующие в воображении встречи с иными разумами, то обожествляют, то демонизируют общение с инопланетянами и... особо замечу,

весьма редко поселяют представителей иных миров в своем собственном доме. Позволю лишь упомянуть в связи с этим о хрестоматийных сюжетах — от «Войны миров» Герберта Уэллса до ставших моделью для социализации многих поколений подростков и молодежи «Звездных войн».

Не исключаю, что вот-вот перед нами появится и новая «Библия от искусственного интеллекта» и первыми ее строками вполне могут стать следующие: и создал искусственный интеллект человека по образу и подобию своему. Опасаюсь, что моя грустная шутка может стать реальностью и нарушением иной библейской заповеди, которая звучит: «не сотвори себе кумира».

Как ни парадоксально, именно культурная антропология имеет шанс избавить человеческий разум от присущего ему антропоцентризма, наивной веры, что человек в эволюции является единственным венцом ее творения.

Все эти и подобные им фантазии, сказки и утопии, как это ни парадоксально, представляют собой попытки преодоления жесткого познавательного и нравственного эгоцентризма, которым долгое время страдали и продолжают страдать по сей день современные картины мира.

Эволюционный смысл научных революций, будь то коперниканская или эйнштейновская революция, превратившие мир классической физики Ньютона лишь в одну из реальностей, заключается в том числе в преодолении познавательного эгоцентризма, приведении в действие когнитивных и ценностных децентраций, позволяющих распознавать различные физические, социальные, ментальные вселенные рядом с нами, повышая чувствительность разума к разнообразию миров.

Монография психолога, этнолога и культурного антрополога Марии Тендряковой «Многообразие типичного: Очерки по культурно-исторической психологии народов» представляет собой путеводитель, еще раз сделаю на этом акцент, для путников в ментальные миры иных культур, иных цивилизаций, иных логик репрезентации различных картин и моделей мира. Всту-

пая благодаря этой книге в общение с иными культурами, читатель, к какому бы профессиональному цеху он ни принадлежал, получает шанс отрефлексировать то, насколько он сам в своем собственном мышлении порой оказывается в плену ловушек этноцентризма, европоцентризма и эволюционного снобизма.

Особенно велики риски при понимании эволюционного разнообразия разных типов культур. При взгляде на мир через оптику европоцентризма исследователи, политики и бизнесмены пытаются поместить иные миры в прокрустово ложе европейских культурных эталонов или, переходя на российскую лексику, мерить все на свой аршин.

Хочу всем напомнить в связи с этим строки замечательного детского писателя Бориса Заходера, его стихотворение «Ошибка Протагора»:

Тому,
Кто мерит все
На свой аршин,
Навряд ли суждено
Достичь вершин.

Сквозь призму эволюционного снобизма и европоцентризма мы то и дело расставляем на шкале времени «развитые» и «развивающиеся» страны; описываем «отстающие» и «догоняющие» модернизации; открываем и закрываем «окна» и «форточки» в Европу; проживаем синдромы «старших» и «младших» братьев с особым политическим прищуром; наделяем якобы отстающие культуры комплексами «неполноценности», «провинциальности» и «периферийности», а свою собственную культуру — «комплексом полноценности» и горделивого цивилизационного величия; чествуем «сходства» и расцениваем как архаику «различия» любых иных культур. Печальным и даже трагичным итогом европоцентризма, эволюционного снобизма и лингвоцентризма является резкое падение

нашей собственной чувствительности к пониманию, узнаванию и принятию Иного, Другого, Непохожего, которое оборачивается всплесками ксенофобии, этнофобии и агрессивного фундаментализма.

И именно потому, что антропология имеет самое прямое отношение как к пониманию других народов, так и к социальным и политическим действиям различных государственных игроков, вокруг самой сути и перспектив антропологии разгораются нешуточные страсти. Сошлюсь для иллюстрации интеллектуальных поединков в проблемном поле культурной антропологии на книги классика структурной антропологии Клода Леви-Строса «Узнавать себя: Антропология и проблема современности» (2016) и «Все мы каннибалы» (2019), а также на книгу возмутителя антропологического спокойствия неутомимого бразильского исследователя Эдуарду Вивейруш де Кастру «Каннибальские метафизики: Рубежи постструктурной антропологии» (2017).

Не поленюсь и, для того чтобы читатель рельефнее почувствовал то, в каком интеллектуальном котле появляется книга Марии Тендряковой, приведу обширный фрагмент из книги де Кастру, бросившего перчатку самому Клоду Леви-Стросу:

«Антропология вполне готова возложить на себя новую миссию и стать теорией-практикой непрерывной декolonизации мышления. Но, возможно, не все мы согласны с этим. Кто-то по-прежнему считает, что антропология — это зеркало общества <...>. В силу того, что в Ином всегда видится Тождественное, — и тогда можно сказать, что под маской другого “мы” созерцаем самих себя, — мы в итоге <...> интересуемся лишь тем, что “интересует нас”, а именно нами самими.

Но настоящая антропология делает нечто противоположное — она “показывает нам тот образ нас самих, в котором нам себя не узнать” <...>, поскольку всякий

опыт общения с другой культурой дает нам именно возможность поэкспериментировать с нашей собственной...»
(де Кастру 2017: 9).

Книга Марии Тендряковой по гамбургскому счету и по духу ближе именно к «антропологии-практике». Она полна неожиданных. И в своей культурно-исторической психологии народов автор показывает неведомое — образы нас Самих, в которых нам себя не узнать.

Уже само название книги «Многообразие типичного» несет в себе импульс развивающегося парадокса. Мы привыкли, что типичность, статичность, неизблемость, «консервация», инвариантность — в одной комнате нашего сознания; разнообразие, неповторимость, уникальность — в другой комнате сознания. И замысел найти и показать уникальность типичного, разнообразие типичного, своего рода «ментальную анатомию» разных видов культур выступает как дразнящая задача.

Решила ли эту задачу Мария Тендрякова? Удалось ли ей приоткрыть те образы уникальности типичного, в которых нам себя не узнать? Об этом судить читателю.

Меня же при чтении новой книги Марии Тендряковой, вышедшей после ее работ «Охота на ведьм» (год 2-го издания — 2019) и «Игровые миры: От homo ludens до геймера» (2015), не покидает чувство, что сама эта книга представляет собой один из важных векторов проекта историко-эволюционной антропологии будущего.

Вместе с Марией Тендряковой мы совершаем нефантастическое путешествие во времени и пространстве в Иные культуры. И возвращаясь из этих путешествий в свою культуру, мы, надеюсь, начинаем зорче видеть, что творится с нами, какое место мы занимаем в полифонии цивилизаций и как мы можем вести переговоры с теми, в ком нам себя не узнать.

От всей души желаю читателю, использовав в качестве точки опоры культурно-историческую антропологию, попытаться

ощутить чувство раскрепощенного разума, которому удалось хоть в какой-то степени освободиться от оков познавательного эгоцентризма, преодолеть страхи встреч с Иными и обрести животворный заряд эволюционного оптимизма. Именно поэтому я завершаю предисловие к этой книге строчками из финальной сцены спектакля по мотивам пьесы Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана», который уже в шестидесятые годы подарил многим моим сверстникам печальный свет и добрую надежду на будущее:

Другой герой? А если мир — другой?
 А может, здесь нужны другие боги?
 Иль вовсе без богов? Молчу в тревоге.
 Так помогите нам! Беду поправьте
 И мысль, и разум свой сюда направьте.
 Попробуйте для доброго найти
 К хорошему — хорошие пути.
 Плохой конец — заранее отброшен.
 Он должен,
 должен,
 должен быть хорошим!

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ,
 заведующий кафедрой психологии личности
 МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель
 Московского института психоанализа, заслуженный
 профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО

Введение

Способы быть человеком

*Людей меняет само знание того, что другие чем-то
на них не похожи...*

*Антрополог также должен помочь властям посмотреть
на себя со стороны...*

К. М. Клакхон

Много веков назад было сделано открытие, что в различных культурах царят разные нравы, люди по-разному ведут себя в сходных ситуациях, они по-разному трактуют события, у них разные вкусы и разные понятия о добре и зле. Люди отличаются друг от друга — не только как неповторимые индивидуальности, но и как представители своего народа, и как носители определенной культуры — тем комплексом характерных особенностей, моделей или рисунков поведения, привычек и стереотипов, о которых мы, как правило, не задумываемся, но которые временами заявляют о себе, и особенно громко в зоне культурного пограничья.

Как говорил известный американский антрополог Клайд Клакхон (Clyde M. Kluckhohn), именно в том и состоит самый трудный вопрос для всей социальной антропологии: что же делает человека представителем своей этнокультурной общности, что роднит его с нею, что, например, делает итальянца итальянцем, а японца японцем (Клакхон 1998: 231)?

Проблема *типичного* представителя своего народа, или чем одни народы отличаются от других, имеет свою давнюю историю. Во все времена «чужаков» сравнивали со «своими»,

при этом круг «своих» в зависимости от историко-культурного контекста ограничивался то своей тотемической группой, то полисом, то сословием, то разрастался до масштабов «народа» и даже «цивилизации». Сравнение могло обернуться обывательской ксенофобией, конфликтами, религиозной и/или этнической нетерпимостью, хорошо, если оно направлялось в русло исследовательского интереса к миру другого — благодаря последнему античные авторы и средневековые хронисты оставили нам богатое наследие, описывая соседних «варваров».

Более того, человечество бесконечно разнообразно не только в пространстве различных культур, но и во времени. Представители новой исторической науки (истории ментальности и исторической антропологии) отчетливо сформулировали, что *человек не является исторической константой* — нельзя забывать об исторической вариативности психологических особенностей. В разные эпохи и исторические моменты в разных странах психологическая/ментальная реальность различна, люди руководствуются различными чувствами, мотивами поведения и ценностями бытия. На семинарах по истории ментальности А. Я. Гуревич неоднократно подчеркивал это в лаконичной формуле: обращаясь к прошлому, историк должен следовать *презумпции инаковости*, не наделять представителей других времен и народов мыслями и чувствами собственных современников.

При этом психологи давно показали, что законы функционирования человеческой психики универсальны во всем мире, у всех народов и во все времена. Но каждая культура и историческая эпоха задают основные координаты жизни человека, предоставляя ему свой багаж знаний и опыта, накопленного поколениями. Каждая культура вырабатывает свою систему координат «хорошего» и «плохого», добра и зла, свои представления о «герое» и «изгое», равно как и понятия правильного и неправильного поведения, нормы и ее нарушения.

Каждое общество предлагает человеку свой сценарий собственно человеческого поведения — от способов удовлетворения витальных потребностей до реализации экзистенциальных сценариев жизни: «Культура — это способ быть человеком»*.

Человеческому обществу, как замечает Ю. М. Лотман, присуще одно уникальное свойство: *изоморфизм части и целого*. «Человеческие структуры образованы как единство, состоящее из элементов, каждый из которых в отдельности изоморфен целому» (Лотман 2010: 58). Но это даже сложнее, чем фрактальная структура. Во фрактале часть множества в точности повторяет целое. Человек же повторяет общество, воплощает его в себе, и в то же время это «повторение без повторения» (формула Н. А. Бернштейна). Как элемент он «подобен целому и несет на себе все его основные свойства». Как личность он обладает такими качествами, «как сознание, ответственность, выбор решения... Он в этом отношении подобен человечеству — несет за него личную ответственность, принимает на себя его общие грехи и передает ему свои» (Там же: 58). Личность со своим самосознанием выступает «внешним наблюдателем» и «другим» по отношению к обществу в целом. И в этом своем качестве представляет собой один из существеннейших механизмов динамики культуры (Там же: 40–44).

Человек выступает как носитель традиционной системы ценностей и миропонимания, норм и стереотипов, представленных в его культуре, и реализует их в своей деятельности. Но и не только... Вычерчивая свой уникальный жизненный путь, являясь «внешним наблюдателем» и «другим», переживая

* Это определение родилось в ходе дискуссий историков о предмете новой исторической науки и о сдвиге исследовательских интересов историков с событийной канвы на человека в истории с его мотивами поведения, переживаниями, представлениями о телесности, времени, пространстве и жизни после жизни: «Вместо описаний деяний “готового” человека историческая наука обращается теперь к изучению определенных способов быть человеком, к изучению разных типов рациональности...» (История ментальностей 1996: 38).

и оценивая происходящее, совершая поступки и делая открытия, личность проявляется как индивидуальность.

Поступая *не так, как все*, человек может заслужить всеобщее признание и благодарность или же, напротив, навлечь на себя гнев и гонения со стороны существующей нормативной системы. В любом обществе действует формула: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» (Асмолов 1996: 430) (гл. 7).

Весь этот круг человеческого поведения, который задается временем и местом, от *этно- и социотипических* особенностей до непредсказуемых креативных действий «поверх барьеров» норм и традиций, входит в сферу научных интересов **культурно-исторической психологии народов**.

Несколько слов **о терминах и названиях**, которыми именовалась данная область исследований.

В течение нескольких десятилетий все, что связано с психологическими особенностями различных народов, в отечественной науке называли *этнопсихологией*. Понятие «этнопсихология» было введено нашим соотечественником, мыслителем и философом-идеалистом Г. Г. Шпетом. В 1927 г. вышла в свет его книга «Введение в этническую психологию». По Г. Г. Шпету, этнопсихология — это описательная дисциплина, исследующая психологию народа в целом.

Но современную западноевропейскую и американскую науку, настроенную на политкорректность, этот термин смущает. Не принято подчеркивать различия между людьми — будь то расовые или этнические особенности. В рамках американской традиции аналогичное направление называется *психологическая антропология*. Психологическая антропология сосредоточивается, прежде всего, на психологических особенностях людей, на моделях поведения, на механизмах социализации — механизмах включения человека в культуру.

Наиболее всеохватывающим названием области, которая так или иначе сосредоточивается на взаимодействии чело-

века и социума и исследует психологию человека в неразрывном единстве с социокультурным контекстом его бытия, представляется *культурно-историческая психология народов*. Это название отдает долг психологии народов В. Вундта, который сделал первые попытки систематического изучения того, как культура воплощается в человеке (гл. 1), и указывает на родство с *культурно-исторической теорией развития психики* Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии.

Культурно-историческая теория развития психики

Генетически своей базовой методологией культурно-историческая психология народов восходит к направлению психологии, родившемуся в начале XX в. в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Центральной для этого направления является проблема «представленности культуры в психике» человека (Коул 1997). В этом направлении в 1930-е гг. уже была представлена идея культурной обусловленности высших психических функций (мышления, речи, памяти, внимания) и выдвинута гипотеза сосуществования «пластов различной древности» в психической организации человека. Культура являет собою психологический инструментарий, при помощи которого человек реорганизует свою память и расширяет ее возможности, вооружается вербально-логическим мышлением, сознательно управляет своими психическими процессами. Выготский показал, как внешнее вспомогательное средство изменяет структуру психических функций человека (подробнее см. гл. 10).

Предметом исследования у Выготского, Леонтьева, Лурии и их последователей становятся механизмы перехода объективного мира, мира культуры и человеческого сознания. Культурно-историческая теория развития психики принци-

пиаально пересматривает взаимоотношения человека с окружающим его миром.

Культура преобразует психологию человека, «прорастая» в нее. Мир культуры — внутри человека, но в то же время это его среда жизнедеятельности.

Человек в культуре: от приспособления к преобразованию

Существует великое множество определений культуры. Американские антропологи К. Клакхон и А. Крёбер, посвятившие в начале 1950-х гг. свой аналитический обзор понятию «культура», упоминают сотни различных определений (Kluckhohn et al. 1952). В основу большинства определений культуры заложена идея *адаптации* человека к среде его обитания.

За ними проступает образ человека как несовершенного представителя мира природы, которому самому пришлось «доставать» свои физические возможности, не особо сильные конечности, отсутствующие клыки и крылья, чтобы выжить в острой конкуренции и удовлетворить свои потребности.

«...Удовлетворение органических, базовых потребностей индивида и человеческого рода в целом определяет минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру», — Б. Малиновский, один из признанных классиков этнологии, выводит культуру из человеческих потребностей. Любая культура должна решать проблемы, «вытекающие из человеческой потребности питаться, размножаться и соблюдать гигиену. Они решаются путем создания новой, вторичной искусственной среды, ...которая и есть... не что иное, как культура...» (Малиновский 2000: 44). При этом сам Б. Малиновский замечает, что возникает «новое качество жизни», появляются новые потребности и новые ограничения, налагающиеся на поведение человека, возникают обычаи, этика,

Культура – негенетическая память социума

Адаптация

Хранение
информации

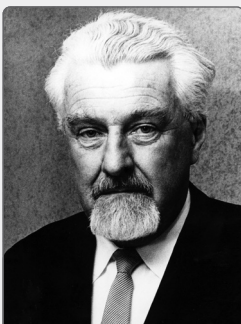
Акцент переносится с адаптации на появление **новой формы хранения информации** – без редакции генома.

С появлением уникального человеческого мышления «счастливая догадка отдельного человека может навсегда... увеличить запас знаний всего человечества» (К. Лоренц).

Смена парадигмы:

Адаптивная парадигма →
информационная парадигма.

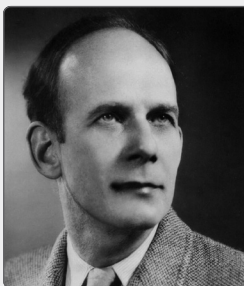
Культура как форма хранения
и передачи знаний.

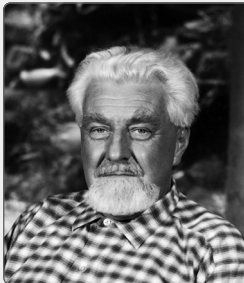
Конрад Лоренц
1903–1989

Только ли адаптация?

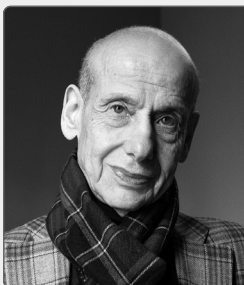
«Чем бы человек отличался от животного, если бы ему было нужно только необходимое и ничего лишнего?» (Шекспир).

«Культуры не только решают проблемы, но и создают их» (К. М. Клакхон) — комплексы страхов, неадекватные представления о мире, стереотипы и предрассудки...

Когда речь идет о человеке, само понимание адаптации в корне меняется: «*Приспособление* становится пустым словом, когда то, к чему происходит это приспособление, само несет на себе печать человеческого замысла» (К. Лоренц).

Человек создает себе принципиально новую среду обитания.
Человек — единственное существо, «конструирующее миры» (Асмолов 1996).

законы, механизмы передачи знаний (Там же: 44–47). То есть люди «организуют среду своего обитания» (Арутюнов 1989: 6).

Взаимоотношения человека с окружающей средой принципиально отличаются от адаптации к среде обитания иных видов. Этолог К. Лоренц подчеркивает, что, когда речь идет о человеческой деятельности, само понимание адаптации в корне меняется: «*Приспособление* становится пустым словом, когда то, к чему происходит это приспособление, само несет на себе печать человеческого замысла» (Лоренц 2016: 517). Человек не просто приспосабливается к внешним обстоятельствам, но создает себе среду обитания.

Акцент переносится с адаптации на появление принципиально новой *формы хранения информации*. В эволюции природного мира знания приумножались путем закладывания информации в геном. С появлением же человека появляются уникальное человеческое мышление и культура, которые позволяют превратить кратковременную полезную информацию в «длительно сберегаемое сокровище выученного знания». Мгновенные прозрения не исчезают бесследно, а сохраняются и делаются наследуемыми: «Счастливая догадка отдельного человека может навсегда... увеличить запас знаний всего человечества» (Лоренц 2016).

Как рождается культура и как на самых ранних этапах эволюции человечества происходит развитие собственно человеческого мышления — пожалуй, одна из фундаментальных тайн нашего мира. Главное, что благодаря этому становятся возможными хранение и передача накопленного опыта без «редакции» генома, что заняло бы слишком много времени, исчисляющегося масштабами эволюции.

Культура выступает как негенетическая память социума, с одной стороны, и как новая среда жизнедеятельности человека, с другой.

Человек — единственное существо, «конструирующее миры» (Асмолов 1996).

Психологи А. Г. Асмолов и М. Коул предложили предельно широкое понимание культурно-исторического подхода, которое роднит его с такими направлениями, как история ментальности и историческая антропология, с культурологическими работами М. М. Бахтина, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, со структуралистским анализом мифического мышления К. Леви-Строса; с некоторыми работами по психолингвистике, а также с наследием психологии народов В. Вундта и кросс-культурными исследованиями (Асмолов 1993; Коул 1997).

Культурно-историческая психология народов, у истоков которой стоят идеи Выготского, Леонтьева, Лурии, предметом своих исследований делает **человека как носителя и творца своей культуры, а значит, и мира, в котором он существует**. Она предельно расширяет исследовательское поле (по сравнению с этнопсихологией и даже психологической антропологией) тем, что сосредотачивается не только на изучении психологических аспектов этнокультурного пространства, но и обращает внимание на историческую вариативность психологических особенностей, и тем, что в конечном счете выходит на глобальные закономерности социокультурной обусловленности психики человека.

Часть I

Кризис методологии

от эволюционизма
к антропоцентризму

Глава 1

Основные вехи становления культурно-исторической психологии

...Разве не ясна необходимость собрать отдельные лучи духовной жизни... в едином фокусе... сделать... предметом объединяющего и сравнивающего их исторического исследования?

В. Вундт

Предыстория становления научного знания

Культурно-историческая психология народов / этнопсихология — это, с одной стороны, очень молодая научная дисциплина. Как научное направление свои первые шаги она сделала в конце XIX в. Потом о ней на полвека забыли или, скорее, она просто отошла на второй план. А еще позже, в 1930-е гг., на стыке социальной антропологии и психологии стало выкристаллизовываться это новое направление.

С другой стороны, предыстория этнопсихологии уходит корнями в глубь времен к работам античных авторов: Геродота, Гиппократ, Тацита, Плиния. Они описывают европейцев и азиатов, египтян, лидийцев, скифов, эллинов, их нравы и темперамент, как странно они себя ведут, чем они хороши, чем плохи, в каких богов веруют и как следуют их заветам... И сразу же возникает множество вопросов: почему народы так непохожи друг на друга? Может быть, все дело в климате? Но тогда почему наши соседи ведут себя совсем не так, как мы? Что, если причина всех различий между народами — привычка и образ жизни? Или все дело в телосложении?

Имя Гиппократ ассоциируется, прежде всего, с медициной. Но, как и у большинства античных авторов, его кругозор и объем поднимаемых им вопросов намного шире. В своем труде «О воздухах, водах и местностях» Гиппократ сравнивает азиатов и европейцев:

...все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиною всего этого служит умеренность времен года, так как страна расположена в середине восхода солнца к востоку и дальше отодвинута от холода. ...в ней нет ничего, что брало бы верх через силу, но во всем господствует равномерность. ...и люди, упитанные, прекраснейшие на вид и по величине величайшие мало различаются по своему виду и величине... Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе... по необходимости берет верх наслаждение. (Так) обстоит дело относительно египтян и ливийцев.

Европа, напротив, отличается резкими переменами времен года:

...народы этих стран... больше различаются между собою, чем указанные выше, как вследствие перемен времен года, так и по местности. ...сильные жары, суровые зимы, многие дожди и снова продолжительные засухи и ветры, благодаря которым случаются многие и всякого рода перемены. ...грубость, дикость и отвага возникают в такой же природе, ибо частые возбуждения ума производят грубость нравов и, напротив, притупляют кротость и мягкость. Поэтому я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит лень, а разнообразие возбуждает тело